

Елена Генриховна КОМИССАРОВА¹
Татьяна Владимировна КРАСНОВА²

УДК 342.7

ЛИЧНЫЕ ПРАВА ДЕТЕЙ В ПРЕДМЕТЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

¹ доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет;
профессор кафедры гражданского права,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
e.g.komissarova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4257-5673

² кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
t.v.krasnova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-3375-7443

Аннотация

Российский научный потенциал в продвижении прав детей пока в большей мере ограничен интерпретацией такой нормативной и теоретической конструкции, как «защита прав детей». Привычность такого положения, однако, не означает, что теоретическое толкование конституционных норм и специального законодательства о правах ребенка исключает позитивно-регулятивный аспект познания таких прав. Но пока в этом направлении сделано немного. Основная цель статьи состоит в том, чтобы дать новое представление о позитивных конституционных правах детей с опорой на теорию конституционной культуры. Для исследования выбрано позитивное личное право ребенка знать свое происхождение как отдельное и автономное право ребенка, имеющее косвенное конституционное признание, но пока не вовлеченное в текущие научные дискуссии и не относящееся к проблематичным. Методология

Цитирование: Комиссарова Е. Г. Личные права детей в предмете конституционно-правового регулирования / Е. Г. Комиссарова, Т. В. Краснова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 152-166.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-152-166

исследования основана на использовании таких частнонаучных методов научного познания, как метод межотраслевого анализа, метод сравнительно-правового исследования, формально-юридический и логический методы, метод научного обобщения. По итогам исследования авторы пришли к следующим результатам: теория детских прав в ракурсе ее конституционного развития требует доктринальной поддержки в виде неформальных междисциплинарных исследований, находящихся на стыке конституционного и семейного права; на смену механическим отсылкам к конституционным нормам должно прийти научное понимание того, что конституционные положения, относящиеся к правам человека в целом и правам ребенка в частности, не могут восприниматься доктриной как «само собой разумеющиеся», как минимум им нужна доктринальная поддержка в виде создания гармоничной теории детских прав.

Ключевые слова

Личные права ребенка, конституционный статус детских прав, право ребенка на личную самоидентификацию, уважение частной жизни, этика государственного участия в реализации детских прав, недискриминация прав ребенка.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-152-166

Введение

Исследования конституционной линии, ориентированной на права человека, в структуре которой дети составляют важную группу правообладателей, пока не набрали той критической научной массы, которая бы позволила их количеству перерасти в качество. Научное описание детских прав как в целом, так и в аспекте их отдельных разновидностей продолжает тяготеть исключительно в сторону их защиты и в гораздо меньшей степени — в сторону предоставления новых прав с необходимым государственным участием в их реализации. Представляется, что в этом одна из причин того положения, что о проблеме конституционного статуса детских прав, особенно тех, которые эволюционировали и стали актуальными в последнее десятилетие, известно немного. При том, что попыток научного описания прав ребенка в аспекте их конституционности в последнее десятилетие предпринимается достаточно [2, 4, 7, 9, 10, 16, 22, 24].

Для изменения существующего положения назрела необходимость сформулировать такую теоретическую концепцию, которая позволит при упоминании ставшего общеизвестным понятия «права ребенка» охватывать не только защитные меры, лежащие в системе особо охраняемых правоотношений — материнства, семьи, воспитания и образования, но и все другие детские права, именуемые позитивными. В первую очередь это относится к таким личным неимущественным правам ребенка, как право на уход и поддержку, право на уважение частной жизни ребенка, право ребенка знать свое происхождение, право быть услышанным, право на общение с обоими родителями и контакт с лицами семейного круга и др. Как показывает современная реальность, эта категория прав ребенка не менее значима для характеристики детского статуса и его научного познания, в том числе и в рамках конституционного правопонимания.

Для убедительной аргументации того состояния позитивных детских прав, которое еще только предстоит достигнуть, необходим гораздо более широкий спектр новой нормативной и теоретической информации, включая межотраслевой, междисциплинарный и сравнительно-правовой ресурсы, которая бы позволила привнести в теорию детских прав новые интерпретационные подходы стратегического значения. Кроме того, что такие подходы видятся обращенными в будущее, они несут в себе методологическую ценность, не позволяя игнорировать ту положительную нормативную динамику в части регулирования личных прав ребенка, которая явно прослеживается в общеевропейском праве, ориентированном сегодня уже не только на этику защиты прав детей, но и на этику государственного участия в их реализации и недискриминации [33, с. 22].

Пока же бремя обоснования того, что позитивные права ребенка, как и права взрослого человека, имеют конституционную ценность и в той же мере охраняются конституционным правопорядком, взял на себя Конституционный Суд РФ [14], используя приемы правоприменительной интерпретации для целей признания того или иного личного права ребенка как права, имеющего конституционное происхождение [19, 20].

Авторитетность суждений органа конституционной юрисдикции сколь бесспорна, столь и убедительна. Однако пропаганда высокого статуса детских прав во всей их регулятивно-охранительной палитре, воспитание уважения к ним — это забота не только Конституционного Суда РФ и научной дисциплины конституционного права, но и предметных дисциплин частнопроводимого цикла. Доподлинно известно, что не имея продолжения в отраслевом знании, любое конституционное правило ослабевает в своем значении, обретая признаки декларативности и в итоге зауженный внутриотраслевой формат.

Принимая во внимание теоретический взгляд о том, что время, «когда понятия „права детей“ были просто лозунгом, нуждающимся в определении» [35], стремительно уходит в прошлое, авторы настоящей статьи стремятся сформулировать и обосновать конструктивные суждения, согласно которым личные права ребенка, имеющие сопряжение с правом, вне зависимости от того, сформулированы они дословно в конституционном и специальном нормативном тексте или нет, являются правами конституционного уровня. Исходным теоретическим посылом для такого суждения является не единожды выраженная Конституционным Судом РФ позиция об «ответственности перед нынешним и будущими поколениями, стремлением обеспечить их благополучие и процветание через создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Объектом исследования является позитивное личное право ребенка знать свое происхождение. Методология настоящего исследования включает следующие частнонаучные методы научного познания: метод межотраслевого анализа, сравнительно-правового исследования, формально-юридический и логический, метод научного обобщения.

Результаты и обсуждение

О конституционном формате детских прав

Как отмечается в доктрине, «соблюдение прав человека невозможно обеспечить без соблюдения прав ребенка» [31]. Данное суждение имеет двойные теоретические последствия. Одно в случае простого следования ему дает основания ограничиться простым предположением о том, что каждое из детских прав, вне зависимости от того, поименовано ли оно в конституционном или специальном законе, безусловно является частью конституционно-правовой материи. Такое понимание освобождает от последующего теоретизирования по проблеме, вынесенной в заголовок настоящей статьи, давая право на констатирующее суждение о том, что все личные права ребенка имеют тот же конституционный объем, формат, гарантии, что и права взрослого человека. Однако в таком знании оказывается слишком мало новизны, а главное прогресса, ориентированного на гармоничный подход к правам ребенка. Поэтому более предпочтительным выглядит второе следствие, ориентированное на конкретный методологический подход, как тот подход, который предполагает класть в основу исследования детских прав права человека в целом. Такой подход находится в согласии с европейскими тенденциями развития «детского права», в котором есть не только защита детских прав, но и участие государства в их реализации и контроль за недискриминацией в части признания государством личных прав, принадлежащих взрослому и ребенку.

Этот методологический ориентир значим еще и потому, что, как было замечено выше, в теории детских конституционных прав не всё является столь очевидным. Абсолютное большинство детских прав личного характера, если их круг не ограничивать теми, что зафиксированы в нормах СК РФ, имеет сложную структурированную и иерархическую систему правового регулирования. Этот факт не свидетельствует об их второстепенности, однако требует необходимой доктринальной поддержки с опорой на положение, согласно которому конституционные нормы стали непосредственным регулятором межличностных отношений в сфере частного права, что в отечественной литературе получило наименование «горизонтального эффекта» [3, с. 14; 11, с. 7]. Не последнюю роль в его достижении сыграло сотрудничество России с Советом Европы.

Современная концепция прав человека, имея развернутое конституционное закрепление, известна каждому цивилизованному государству [25]. Она представляет собой совокупность письменно зафиксированных прав, которые определяют личный правовой режим лица, сообщая о тесной юридической связи между человеком и правовой системой государства, ориентированной на признание этих прав, гарантии их реализации, а в случае нарушения — защиты.

В научном дискурсе последнего десятилетия мысль о том, что «статус несовершеннолетнего является подразумеваемой частью, составляющим элементом общеправового статуса любого гражданина России» [8], как всякой личности, «достойной уважения просто по факту своего существования» [5],

культивируется все чаще. Даже те авторы, которые считают обезличенность прав ребенка как самостоятельной личности «упущением конституционного законодателя», больше склонны искать этому оправдание с помощью суждения о «естественно равной защите прав любого человека независимо от каких бы то ни было признаков, в том числе и возрастных» [21]. Поэтому то положение, согласно которому «дети являются обладателями прав, а не просто объектами защиты... Они бенефициары всех прав человека» [33, с. 17], сегодня считается общепризнанным. Но всех проблем, касающихся конституционного происхождения детских прав и механизмов, обеспечивающих их осуществимость, констатация такого положения не решает.

Абсолютное большинство учебных пособий, изданных Организацией Объединенных Наций, подвергает весь спектр детских прав делению на два типа: права детей как самостоятельных лиц в соответствии с законом и права, требующие от общества защиты от вреда, причиняемого детям из-за их зависимости. Отсюда конвенционная формула прав ребенка является трехсоставной, включая компоненты предоставления права, участие государства в их реализации, защиту. Российский конституционный формат детских прав пока не до конца следует полноте этой схемы, отдавая приоритет защите детских прав. Попытка же вычленивать и обосновать какое-либо регулятивное право ребенка (например, личное право ребенка знать свое происхождение) в режиме аналогии с правом взрослого человека оказывается основанной на слишком большом числе предположений, поставляя доктрине убедительные основания для вывода о том, что в научной картине детских прав «присутствует огромный разрыв между провозглашением прав детей и наделением их конкретными правами» [18].

О конституционной сущности права ребенка знать свое происхождение

Право ребенка знать свои биологические корни как в смысле существования, так и базового уровня его регулирования, несмотря на лингвистическое присутствие в некоторых научных дискурсах, на самом деле малоизвестно отечественному семейно-правовому дискурсу. Проблема является более ординарной для европейской науки, давно и последовательно озабоченной выявлением юридических проблем в «детском праве», которые еще только ждут своего решения. Но и здесь отмечается, что «в этом вопросе наука остается загроможденной и непоследовательной» [36]. Не последнюю роль для такой оценки играет разноплановое определение этого права, именуемого как право знать своих предков, право на личную идентичность, право на биологические секреты и т. д., что дает достаточно оснований для смещения акцентов в его исследовании.

Ключевым моментом в исследовании этого права и обосновании его функционала является общепризнанность того факта, что оно включено в сферу частной жизни ребенка [33, с. 65]. Вопрос о том, носит ли это право абсолютный характер или может быть ограничено в интересах семьи и фактических или социальных родителей, стоит особенно остро. Дискуссии на эту тему продолжаются, в том числе и в тех странах, которые возвели это право на конституционную

высоту (а это далеко не все страны). При этом практически все государства признают, что право ребенка знать свое происхождение, имея тесную связь с его личностным развитием, является важным социальным и юридическим правом, и его удовлетворение не может зависеть ни от непредвиденных обстоятельств детского, а впоследствии и взрослого существования, ни от доброй воли других людей. Одни страны сдерживают уровень развития внутренних ресурсов репродуктивной медицины и ведется внутригосударственная политика по отношению к ее отдельным отраслям, другие, по аналогии с усыновлением, ограничиваются функциональным восприятием идеи, лежащей в основе этого права (известность генетики, облегчающей лечение наследственных заболеваний) [27], третьи рассматривают это право в узком контексте информационного интереса, позволяющего ребенку познать «багаж культурно-генетической базы» (Португалия) [29].

В отечественной науке как о загроможденности, так и какой-либо определенности, не говоря уже о проблеме конкуренции этого права ребенка с правами других лиц, пока говорить не приходится, труды, обращенные к этому праву ребенка, исчисляются единицами [6, 12, 15]. В этом также состоит одна из причин того, что простое утверждение о том, что право ребенка знать свое происхождение носит конституционный характер, без должного научного описания будет выглядеть ни больше ни меньше как теоретическое преувеличение.

Упоминание о праве ребенка знать свое происхождение обычно сводится к ст. 52 СК РФ, где в п. 2 это право существует в его урезанном виде, имея отношение к праву ребенка знать своих родителей применительно к условиям семейного воспитания, насколько это возможно. В ходе исторической эволюции в российском законодательстве это право пока не претерпело каких-либо интерпретационных изменений в смысле его расширения и соответствия ст. 8 Конвенции о правах ребенка, согласно которой «каждый человек имеет право на уважение его частной и семейной жизни» [13].

В Германии это право на знание своего происхождения впервые было введено для усыновленных детей еще до вступления в силу Конвенции о правах ребенка (2 сентября 1990 г.), в 1988 г., когда Федеральный конституционный суд закрепил это право как неотъемлемую часть права ребенка на человеческое достоинство, провозглашенное в системе личных прав человека в Основном законе страны [30]. После ратификации Конвенции это право не сразу, но было распространено на всех детей, в чьих родословных могли быть расхождения между фактом и формализованным статусом, но с существенными оговорками в части возможной конкуренции между личным правом ребенка и правами третьих лиц. Несмотря на часть жестких запретов в области репродуктивных технологий [23], Германия продолжает стремиться еще больше повысить уважение к праву на знание собственного происхождения, принимая со ссылкой на Основной закон специальные законы, регулирующие порядок его реализации [38]. В Швейцарии права детей, рожденных вследствие репродуктивного лечения, на знание своего происхождения было признано в 1992 г. как неписаное право на личную свободу с последующим распространением (2002 г.) этого

признания на усыновленных и всех других детей [28]. В Нидерландах Верховный суд страны в 1994 г. определил, что «общее право личности», не будучи поименованным ни в Конституции Нидерландов, ни в каком-либо международном договоре, охраняется государством и включает в себя в том числе право знать своих родителей [26].

Точками теоретической опоры в суждениях о праве ребенка быть правообладателем в части познания своих биологических корней обычно указываются три вида документов: прецедентное право, создаваемое с 1989 г. Европейским судом по правам человека [32], Конвенция ООН о правах ребенка, фактически сконструировавшая новую модель отношения к ребенку как личности и носителю субъективных прав, где впервые было зафиксировано право ребенка на собственную идентичность (п. 1 ст. 7), облеченное в законную юридическую форму благодаря тому, что Конвенция ратифицирована почти всеми странами планеты и благодаря механизмам контроля, созданным внутри системы ООН; Гагская конвенция о международном усыновлении/удочерении, предусматривающая возможность для усыновленного ребенка получить доступ к информации о личности его или ее родителей «под соответствующим руководством».

Указанные документы вполне можно считать опорными для объяснения конституционно-правового смысла права ребенка на личную идентичность, на что указывает опыт других стран, восприимчивых к теории конституционной культуры, позволяющей придать конституционно-правовой смысл тем правам, которыми реально обладает человек и которые не нашли поименованного отражения ни в конституционных нормах, ни в нормах специального законодательства.

В отличие от европейских стран, в «России формирование теории конституционной культуры находится в начале пути» [1, с. 11]. Наиболее доступные определения этого явления отыскиваются в зарубежной доктрине, относящейся к конституционной культуре как «набору практик, норм, привычек мышления и других различных особенностей, которые определяют, как мы переходим от слов Конституции к конкретным последствиям» [37, с. 1112]. Как утверждают сторонники этой теории, она позволяет рассматривать Конституцию не только как юридический текст или собрание основных правил, но и «как отпечаток состояния развития культуры, средство культурной самоидентификации народа, зеркало его культурного наследия и фундамент его надежд» [34].

В российской правовой действительности проявления конституционной культуры наиболее очевидны в сфере толкования конституционных норм [23], в практике конституционного правоприменения и практике текущего правоприменения. В последнем случае мы имеем дело с элегантным стремлением судебной власти придать конституционно-правовой смысл основополагающим правам личности, явно не поименованным в законодательстве. Одним из примеров такого стремления можно назвать Определение Верховного Суда РФ № 48-КГ18-16, весьма корректно преодолевшего языковые сдвиги между непоименованным в законе требованием лица обеспечить ему реализацию права знать своих биологических предков и нормами Конституции РФ об охране частной жизни. Как указал суд, «право знать своих предков в любом случае является важнейшим

аспектом идентичности личности и подпадает под сферу действия понятия „частная жизнь“. В связи с этим, согласно ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации, органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом» [17].

Аналогичная практика придания данному праву конституционно-правового смысла есть и в Германии. В своем решении от 31 января 1989 г. Федеральный конституционный суд этой страны недвусмысленно подтвердил, что право ребенка знать свое происхождение также может вытекать из Конституции Федеративной Республики Германии [30]. При этом Суд указал, что данная норма, однако, не определяет, кто имеет право и в какой момент может запросить информацию о фактическом происхождении человека, как и то, у кого может быть запрошена информация или на кого может быть подан иск за такую информацию. Тем самым суд подтвердил, что конституционное положение о праве лица на знание своего физического происхождения тесно связано с другими конституционными и специальными нормами, необходимость принятия которых вытекает из смысла Конституции.

Заключение

Конституционная норма о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» имеет вполне понятное сопряжение с правом ребенка знать о своем происхождении, как тем правом, которое гарантируется, охраняется и защищается по конституционным канонам. Такой статус этого вида личного детского права не позволяет считать его чем-то второстепенным и поверхностным, поддерживая его актуальность в русле гуманистических концепций, имеющих непосредственное отношение к личным правам человека, вне зависимости от того, взрослый он или ребенок. Однако признание конституционной природы права ребенка на знание своего происхождения — это не конец, а начало его последующей нормативной эволюции. Конституционные формулировки сами по себе не могут быть решающими в определении того, в каком порядке предоставляются поименованные в Конституции права и как государство участвует в их реализации. Как минимум предстоит создать теорию позитивных детских прав, имеющую тесное сопряжение с конституционными положениями, в основе которых лежит не только идея о защите детских прав, но и идеи о том, как надо обращаться с детьми, относиться к ним, и какие личные права в качестве детских благ им могут принадлежать. Продолжающийся процесс консолидации национального конституционного права с нормами конвенционных документов усилит эффект присутствия позитивных прав ребенка на конституционном уровне, давая возможность России приблизиться к числу стран, которые признаны «благоприятными для детей». Как максимум конституционный уровень признания права ребенка знать свое происхождение должен будет найти свое необходимое отражение в текущем правовом регулировании, в теории и практике профессионального правосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. Н. Значение теории конституционной культуры для России: приглашение к обсуждению / Г. Н. Андреева // Конституционная культура: Универсальные ценности и национальные особенности: сб. науч. трудов / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правоведения; отв. ред. Е. В. Алферова, Г. Н. Андреева. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2011. С. 11-23.
2. Аристов Е. В. Вопросы конституционно-правового обеспечения и защиты прав детей в России / Е. В. Аристов, Г. Г. Михалева // Закон и право. 2020. № 9. С. 15-23.
3. Богданов Е. В. Развитие гражданского права России: тенденции, перспективы, проблемы / Е. В. Богданов, Д. Е. Богданов, Е. Е. Богданов. М.: Юнити-Дана, 2014. 335 с.
4. Бондаренко О. А. Реализация конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. н. / О. А. Бондаренко. Челябинск, 2012. 28 с.
5. Ваништендаль С. Права детей и резильентность / С. Ваништендаль. Брюссель: Международное Католическое Бюро Ребенка, 2012. 57 с.
6. Воронина З. И. Реализация права ребенка на идентифицирующую информацию при применении вспомогательных репродуктивных технологий / З. И. Воронина // Российский юридический журнал. 2008. № 1 (58). С. 63-68.
7. Воронцова М. А. Конституционно-правовые основы личной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. н. / М. А. Воронцова. Санкт-Петербург, 2018. 211 с.
8. Дегтярёва Л. Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России: монография / Л. Н. Дегтярёва. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2017. 78 с.
9. Евстифеев Д. М. Правосубъектность малолетних и несовершеннолетних как элемент конституционного статуса личности / Д. М. Евстифеев // Вопросы управления. 2014. № 3 (28). С. 219-225.
10. Зинченко Е. Ю. Конституционно-правовой статус несовершеннолетнего и проблемы его обеспечения и защиты / Е. Ю. Зинченко, И. Г. Евсеева, Е. Н. Хазов // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2. С. 101-104.
11. Зорькин В. Д. Конституционный суд и развитие гражданского права / В. Д. Зорькин // Российский судья. 2012. № 3. С. 5-13.
12. Кириченко К. А. Право ребенка на информацию о его происхождении: эволюция международно-правовых стандартов и перспективы развития российского права / К. А. Кириченко // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 10-13.
13. Конвенция о правах ребенка Одобрена ГА ООН 20.11.1989. Вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М.: Международные отношения, 1993. 496 с.
14. Кряжков В. А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда РФ / В. А. Кряжков // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3. С. 3-8.
15. Малеина М. Н. Правовое регулирование отношений, возникающих при искусственном зарождении детей / М. Н. Малеина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 5. С. 73-76.

16. Никулина О. М. Конституционно-правовой статус ребёнка в Российской Федерации / О. М. Никулина // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2011. Том 11. № 2. С. 101-104.
17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 2018 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311221/ (дата обращения: 17.12.2021).
18. Образцова О. Ю. Из истории идеи прав ребенка в XX веке / О. Ю. Образцова // Образование в контексте социальных инноваций: интеркультурный диалог северных стран: сб. материалов междунар. науч. конф. (17-19 ноября 1998 г., Россия, Архангельск) / отв. редактор И. Р. Луговская. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999. С. 106-109.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию“, подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“ и пункта 2 статьи 11 Федерального закона „О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)“ в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2015. № 65.
20. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона „Об актах гражданского состояния“ в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной» // Российская газета. 2015. № 140.
21. Смагин Г. Г. Особенности конституционно-правового статуса ребенка / Г. Г. Смагин // Современное право. 2010. № 2 (1). С. 31-35.
22. Стандецкая В. В. Конституционно-правовой статус ребенка в современной России / В. В. Стандецкая // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 4. С. 61-63.
23. Топорнин Б. Н. Вступительная статья / Б. Н. Топорнин // Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М.: Юрид. лит., 1994. С. 10-11.
24. Ходусов А. А. Конституционно-правовое регулирование защиты материнства и детства в Российской Федерации / А. А. Ходусов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 61-68.
25. Юрковский А. В. Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса личности в государствах современного мира / А. В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 132-138.
26. Antokolskaia M. Dutch family law in the 21st century: trend-setting and straggling behind at the same time / M. Antokolskaia, K. Boele-Woelki // European Journal of Comparative Law. 2002. Vol. 6. No. 4. N. pag.
27. Assisted Reproduction in the Nordic Countries: A Comparative Study of Policies and Regulation. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2006. 97 pp.

28. Besson S. Enforcing the child's right to know her origins: contrasting approaches under the Convention on Rights Child and European Human Rights / S. Besson // *International Journal of Law, Policy and the Family*. 2007. No. 21. Pp. 137-159.
29. Blauwhoff R. J. Tracing down the historical development of the legal concept of the right to know one's origins: has "to know or not to know" ever been the legal question? / R. J. Blauwhoff // *Utrecht Law Review*. 2008. Vol. 4. No. 2. Pp. 99-116.
30. Bundesverfassungsgericht, Urteil v. 31.1.1989, 1 BvL 17/87 "Kenntnis der eigenen Abstammung" // Juristisches Informationsportal "Dejure.org".
URL: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=31.01.1989&Aktenzeichen=1%20BvL%2017%2F87> (дата обращения: 17.12.2021).
31. Bylinskaya N. To the question of constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of the child in the Russian Federation / N. Bylinskaya // *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2019. Vol. 90. No. 6. Pp. 135-139.
32. Gaskin v. United Kingdom, 10454/83 [1989] ECHR 13 (7 July 1989) // Vienna: European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2015. 250 pp.
33. Handbook on European Law Relating to the Rights of the Child // Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. 257 pp.
34. Häberle P. Europäische Rechtskultur / P. Häberle. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1994. 407 pp.
35. Rodham H. Children are under the law / H. Rodham // *Harvard Educational Review*. 1973. No. 43 (4). Pp. 487-514.
36. Rotax H. H. Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft / H. H. Rotax // *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie*. 2007. Vol. 56. No. 2. Pp. 148-171. DOI: 10.25656/01:3046
37. Siegel A. M. Constitutional Theory, Constitutional Culture / A. M. Siegel // *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. 2016. Vol. 18. No. 4. Pp. 1067-1128.
38. Wagenitz T. Bekanntmachungen: (Muster-) Richtlinie zur Durchführung der assistierten Reproduktion — Novelle 2006 — / T. Wagenitz // *Deutsches Ärzteblatt*. 2006. Jg. 103. Heft 20. Pp. 1392-1403.

Elena G. KOMISSAROVA¹

Tatiana V. KRASNOVA²

UDC 342.7

PERSONAL RIGHTS OF CHILDREN IN THE SUBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION

¹ Dr. Sci. (Jur.), Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
University of Tyumen;
Professor, Department of Civil Law,
Perm State National Research University
e.g.komissarova@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-4257-5673

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
University of Tyumen
t.v.krasnova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-3375-7443

Abstract

The Russian scientific potential in promoting children's rights is still largely limited by the interpretation of such a normative and theoretical construction as "protection of children's rights". The habitualness of such provision, however, does not imply that the theoretical interpretation of constitutional norms and of special legislation on the rights of the child excludes the positive regulatory aspect of the awareness of such rights. So far, little has been done in this field. In an effort to make their contribution to the creation of a harmonious theoretical concept covering the entire normative palette of children's rights, including the personal non-property rights of the child, based on the theory of constitutional culture, the authors turn to the right of the child to know his/her origin, which is not named in the Constitution of the Russian Federation. Regarding the research methodology, such specific methods of scientific knowledge as intersectoral analysis, method of comparative law analysis, formal legal and logical methods, method of scientific generalization were used.

Citation: Komissarova E. G., Krasnova T. V. 2021. "Personal rights of children in the subject of constitutional and legal regulation". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 152-166.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-152-166

The following theoretical conclusions are formulated in the article: the theory of children's rights in the perspective of its constitutional development requires doctrinal support in the form of informal interdisciplinary research at the intersection of constitutional and family law; The mechanical references to constitutional norms should be replaced by a scientific understanding that constitutional provisions relating to human rights in general and the rights of the child in particular cannot be taken for granted by the doctrine, at least they need doctrinal support in the form of creating a harmonious theory of children's rights.

Keywords

Personal rights of the child, the constitutional status of children's rights, the right of the child to personal self-identification, respect for private life, ethics of state participation in the realization of children's rights, non-discrimination of the rights of the child.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-152-166

REFERENCES

1. Andreeva G. N. 2011. "The significance of the theory of constitutional culture for Russia: an invitation to discussion". In: Alferova E.V., Andreeva G.N. (eds.). 2011. Constitutional culture: Universal values and national features: Collection of scientific works. Pp. 11-23. Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshchestvenny'm naukam RAS. [In Russian]
2. Aristov E. V., Mikhaleva G. G. 2020. "Issues of constitutional and legal support and protection of children's rights in Russia". Law and Legislation, no. 9, pp. 15-23. [In Russian]
3. Bogdanov E. V., Bogdanov D. E., Bogdanova E. E. 2014. Development of civil law in Russia: Trends, prospects, problems. Moscow: Yuniti-Dana. 335 pp. [In Russian]
4. Bondarenko O. A. 2012. "Implementation of the constitutional rights and freedoms of the child in the Russian Federation". Cand. Sci. (Jur.) dissertation abstract. Chelyabinsk. 28 pp. [In Russian]
5. Vanishtendal S. Children's rights and resilience. Brussels: International Catholic Child Bureau. 57 pp. [In Russian]
6. Voronina Z. I. 2008. "Realization of the child's right to identifying information when using assisted reproductive technologies". Russian Law Journal, no. 1 (58), pp. 63-68. [In Russian]
7. Vorontsova M. A. 2018. "Constitutional and legal bases of personal safety of minors in the Russian Federation". Cand. Sci. (Jur.) dissertation. Saint Petersburg. 211 pp. [In Russian]
8. Degtyareva L. N. 2017. Theoretical and legal foundations of the protection of the constitutional rights and freedoms of minors in Russia: Monograph. Tambov: Konsaltingovaya kompaniya Yukom. 78 pp. [In Russian]
9. Evstifeev D. M. 2014. "Legal personality of minors as an element of the constitutional status of individuals". Management Issues, no. 3 (28), pp. 219-225. [In Russian]
10. Zinchenko E. Yu., Evseeva I. G., Khazov E. N. 2020. "The constitutional and legal status of minors and their problems provision and protection". International Journal of Constitutional and State Law, no. 2, pp. 101-104. [In Russian]

11. Zorkin V. D. 2012. "The Constitutional Court and the development of civil law". Russian judge, no. 3, pp. 5-13. [In Russian]
12. Kirichenko K. A. 2015. "The right of a child to information on the origin thereof: the evolution of international-law standards and perspectives of development of Russian law". Family and Housing Law, no. 4, pp. 10-13. [In Russian]
13. Collection of International Agreements of the USSR. 1993. "Convention on the Rights of the Child. Approved by the UN General Assembly on 20 November 1989. Entered into force for the USSR on 15 September 1990". Issue XLVI. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 496 pp. [In Russian]
14. Kryazhkov V. A. 2008. "Constitutional culture in the mirror of justice of the Constitutional Court of the Russian Federation". Journal of constitutional justice, no. 3, pp. 3-8. [In Russian]
15. Maleina M. N. 1983. "Legal regulation of relations arising from the artificial birth of children". Izvestiya of higher education institutions. Legal science, no. 5, pp. 73-76. [In Russian]
16. Nikulina O. M. 2011. "Constitutionally-legal status of child in the Russian Federation". Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, vol. 11, no. 2, pp. 101-104. [In Russian]
17. ConsultantPlus legal reference system. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 2018. Accessed on 17 December 2021. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311221/ [In Russian]
18. Obratsova O. Yu. 1999. "From the history of the idea of the child's rights in the 20th century". Education in the context of social innovations: Intercultural dialogue of Northern countries: Proceedings of the International Scientific Conference (17-19 November 1998, Russia, Arkhangelsk). Edited by I. R. Lugovskaya. Pp. 106-109. Arkhangelsk: Izdatelstvo Pomorskogo universiteta. [In Russian]
19. Russian Newspaper. 2015. No. 65. In the case of verifying constitutionality of the provisions of part 4, Article 25.10 of the Federal Law "On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation", of subparagraph 13, paragraph 1, Article 7 of the Federal Law "On the legal status of of foreign citizens in the Russian Federation" and of paragraph 2, Article 11 of the Federal Law "On the prevention of the spread in the Russian Federation of the disease caused by the human immunodeficiency virus (HIV infection)" in connection with the requests of various citizens: The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12 March 2015 No. 4-P. [In Russian]
20. Russian Newspaper. 2015. No. 140. In the case of verifying constitutionality of the provisions of Article 139 of the Family Code of the Russian Federation and of Article 47 of the Federal Law "On acts of civil status" in connection with the request of G. F. Grubich and T. G. Gushina: The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16 June 2015 No. 15-P.
21. Smagin G. G. 2010. "Features of the constitutionally-legal status of the child". Contemporary law, no. 2 (1), pp. 31-35. [In Russian]
22. Standetskaya, V. V. 2018. "Constitutional and legal status of the child in modern Russia". International Journal of Constitutional and State Law, no. 4, pp. 61-63. [In Russian]
23. Topornin B. N. 1994. "Introductory article". In: Topornin B. N., Baturin Yu. M., Orekhov R. G. (eds.). 1994. The Constitution of the Russian Federation. Commentaries. Pp. 10-11. Moscow: Yuridicheskaya. literatura. [In Russian]

24. Khodusov A. A. 2020. "Constitutional and legal regulation of the protection of motherhood and childhood in the Russian Federation". Herald of Moscow State Regional University. Jurisprudence series, no. 2, pp. 61-68. [In Russian]
25. Yurkovski A. V. 2015. "Comparative characteristics of the constitutional and legal status of the individual in the states of the modern world". Siberian legal herald, no. 4 (71), pp. 132-138. [In Russian]
26. Antokolskaia M., Boele-Woelki K. 2002. "Dutch family law in the 21st century: Trend-Setting and straggling behind at the same time". European Journal of Comparative Law, vol. 6, no. 4, n. pag.
27. Assisted Reproduction in the Nordic Countries: A Comparative Study of Policies and Regulation. 2006. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. 97 pp.
28. Besson S. 2007. "Enforcing the child's right to know her origins: Contrasting approaches under the Convention on Rights Child and European Human Rights". International Journal of Law, Policy and the Family, no. 21, pp. 137-159.
29. Blauwhoff R. J. 2008. "Tracing down the historical development of the legal concept of the right to know one's origins: Has 'to know or not to know' ever been the legal question?". Utrecht Law Review, vol. 4, no. 2, pp. 99-116.
30. Juristisches Informationsportal "Dejure.org". Bundesverfassungsgericht, Urteil v. 31.1.1989, 1 BvL 17/87 "Kenntnis der eigenen Abstammung". Accessed on 17 December 2021. <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=31.01.1989&Aktenzeichen=1%20BvL%2017%2F87> [In German]
31. Bylinskaya N. 2019. "To the question of constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of the child in the Russian Federation". Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences, vol. 90, no. 6, pp. 135-139.
32. Gaskin v United Kingdom, 10454/83 [1989] ECHR 13 (7 July 1989). 2015. Vienna: European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe. 250 pp.
33. Handbook on European Law Relating to the Rights of the Child. 2015. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 257 pp.
34. Häberle P. 1994. Europäische Rechtskultur. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft. 407 pp. [In German]
35. Rodham H. 1973. "Children are under the law". Harvard Educational Review, no. 43 (4), pp. 487-514.
36. Rotax, H. H. 2007. "Zum Recht des Kindes auf Information über seine leiblichen Eltern und zum Recht der Eltern auf Information über tatsächliche Mutter- bzw. Vaterschaft". Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie, vol. 56, no. 2, pp. 148-171. DOI: 10.25656/01:3046 [In German]
37. Siegel A. M. 2016. "Constitutional Theory, Constitutional Culture". University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law, vol. 18, no. 4, pp. 1067-1128.
38. Wagenitz T. 2006. "Bekanntmachungen: (Muster-) Richtlinie zur Durchführung der assistierten Reproduktion — Novelle 2006 —". Deutsches Ärzteblatt, Jg. 103, Heft 20, pp. 1392-1403. [In German]